

— Ты хочешь продолжать работать на меня? Конечно, — произнес Фэн Хао, сидя с расставленными ногами, голос его был гладким и холодным. — Проползи сюда. Сделай это, и ты все еще будешь моей собакой.

Линь Лан никогда не испытывал такого унижения.

В тот момент он мог встать, схватить Фэн Хао за воротник, сбежать из банды Цинлун и вернуться к своей идентичности полицейского.

Но он не сделал этого.

Он дрожал, делая шаг вперед, один раз, затем еще раз...

Как только он сделал еще один шаг, нога Фэн Хао двинулась с неожиданной, точной силой.

Линь Лан замер в полусогнутом состоянии, он не мог ни продвинуться вперед, ни отступить.

Голос Фэн Хао звучал из динамиков кинотеатра, насыщенный и соблазнительный.

— Ты думаешь, быть моей собакой легко?

На огромном экране крупным планом показывали лицо Линь Лана, его глаза закрыты, брови нахмурены от боли.

Медленно он взглянул вверх.

Негодование, стыд, сдержанность и непоколебимая решимость.

В этом единственном кадре его душа была полностью обнажена.

***

— Что вы думаете о фильме? — спросил репортер зрителя, выходявшего с премьеры.

— Это было невероятно! Борьба за власть между тремя главными мужскими ролями была напряженной.

— Концовка застала меня врасплох, но мне она понравилась.

— Это первый фильм за десять лет, который не усыпил меня!

— А как насчет актерских выступлений?

— Линь Лан определенно заслужил свой титул лучшего актера, он просто блестяще справился.

— Персонаж босса тоже был отличным. Устоял против легенды.

— Этот молодой гангстер? Новичок? Серьезно? Он был потрясающим.

— Самая запоминающаяся сцена?

— Когда босс случайно ранит свою собственную дочь.

— Сцена на обрыве, когда агент падает с молодым мастером на руках.

— Нет. Тот крупный план, где Линь Лан унижен. Эта сцена сильно задела меня. Я чувствовал каждую секунду этого. Как будто я был там, на коленях, терпел это. Истинный мужчина знает, когда сгибаться, а когда ломаться. Линь Лан... он был великолепен.

***

— Старший, фильм закончился! Пойдем на праздничную вечеринку, пока не пропустили!

Сияющее лицо Фэн Хао ворвалось в поле зрения Линь Лана.

Линь Лан бросил на него взгляд, наполненный едва сдерживаемым отвращением, не из-за предвзятости, а из-за дезориентации.

После двух часов, погруженных в этот жестокий мир, видеть Фэн Хао вживую было шокирующе, как если бы иллюзия треснула.

Он собрался, встал и направился к VIP-выходу.

Но коридор был переполнен репортерами, которые рванулись вперед, как только он появился.

— Вы удовлетворены своей игрой?

— Правда ли, что у вас были разногласия с новичком Фэн Хао во время съемок?

— Была ли напряженность на площадке во время повторных дублей унижительной сцены?

Линь Лан редко общался с прессой. Но сегодня, неожиданно, он ответил.

— Никаких конфликтов нет. Фэн Хао — многообещающий новичок с настоящим потенциалом.

Это была простая похвала, но, сказанная Линь Ланом, она звучала как землетрясение. Он никогда ранее не хвалил новичков публично.

Вопросы начали сыпаться, все они касались его мнения о Фэн Хао и их отношениях.

Он не дал никаких дополнительных ответов.

Но затем, словно вызванный судьбой, или инстинктом, Фэн Хао появился за его спиной.

— Что касается тех повторных дублей... — начал Фэн Хао.

Все микрофоны повернулись. Все камеры щелкнули.

— Это был мой первый раз, когда я работал с учителем Линем. Я нервничал и все время ошибался. Но во время перерывов он наставлял меня, объяснял, помогал чувствовать себя комфортно. На самом деле, учитель Линь — очень добрый человек.

Агент чуть не подавился. «Добрый? Я работал с ним много лет и все еще не знаю, что такое доброта».

Репортеры не отставали:

— Линь Лан похвалил вас публично, это первый новичок, для которого он это сделал. Каково это?

— Почему вы думаете, что он восхищается вами?

— У вас близкие отношения?

Фэн Хао без усилий улыбнулся.

— Учитель Линь — мой кумир. Я восхищаюсь им уже много лет. Быть признанным им — это честь.

— Вы будете работать вместе снова?

— Я был бы рад. Но не знаю, согласится ли учитель Линь снова наставлять кого-то вроде меня.

Все взгляды обратились к Линь Лану. Он колебался.

— Если будет возможность.

Пресса взорвалась. Агент вздохнул, завтрашние заголовки были гарантированы.

Он видел, как множество новичков пытались и не смогли растопить холодную натуру Линь Лана.

Фэн Хао справился с этим за несколько недель.

Как по часам, агент расчистил путь, провожая Линь Лана в машину с отработанной точностью.

Как только они сели внутрь, Линь Лан повернулся к Фэн Хао.

— У тебя нет своей машины?

— Мой агент сказал мне взять такси, но сейчас поймать его невозможно. Не против подбросить меня?

Агент чуть не взорвался.

— Это нормально, — он заставил себя улыбнуться. — Мы все равно едем в отель. И мистер Линь... довольно добрый.

Линь Лан проигнорировал его и откинулся на сиденье.

— Я не поеду. Я высажу Фэн Хао, а потом поеду домой.

— Что? — выкрикнул агент.

— Просто скажи, что меня задержали пробки.

— Никто не купится на это оправдание.

— Это не моя проблема.

— Ты главный! Тебе нужно показать свое лицо, даже если всего на несколько минут...

— Это просто еще один ужин. Мы едим в начале съемок, на завершении, на премьере, снова на праздновании кассовых сборов. Я здесь, чтобы сниматься, а не ужинать.

Фэн Хао рассмеялся.

— Если старший не идет, я тоже пропущу. Можешь сообщить им от меня? Скажи, что я застрял в трафике с ним.

Агент выглядел так, будто вот-вот заплачет.

Неужели эти люди не верят в здравый смысл?

Линь Лан приоткрыл глаз.

— Они будут критиковать меня независимо от всего. Быть названным высокомерным — это ожидаемо. Но что касается тебя, это повредит карьере.

Улыбка Фэн Хао не дрогнула.

— Если даже такой уважаемый человек, как ты, может игнорировать сплетни, я выживу.

«Уважаемый?», — добавил агент про себя в свой растущий список редких комплиментов.

— Я все равно никто, — добавил Фэн Хао с пожиманием плеч. — Никто не заметит, что меня нет.

Агент, уже отправлявший сообщение ассистенту, чтобы отменить их появления, вздохнул и выключил телефон, готовясь к последствиям.

— Поскольку ты не собираешься на вечеринку, почему бы не пойти ко мне домой? — предложил Фэн Хао с энтузиазмом. — Мы могли бы вместе посмотреть «Храброго сердцем». Я давно его не пересматривал.

***

— Я пришел, я жил, я умер. Никто не избегает этой судьбы.

— Вы все умрете однажды. Но сегодня я, буду жить вечно.

Выстрелы.

Темнота.

Занавес.

Мгновение тишины, затем громкие аплодисменты.

Фэн Хао включил свет. Линь Лан прищурился, его глаза привыкали к яркости, но финальный образ пьесы оставался в его памяти.

— Это затрагивает меня каждый раз, — тихо сказал Фэн Хао.

Линь Лан ответил:

— Если оглянуться назад, игра была грубой. Диалоги — неуклюжими. Сложно сейчас это смотреть.

— Не говори так. Это недостижимая классика, по крайней мере для меня. Особенно сцена казни... Я смотрел ее снова и снова.

Горло Линь Лана сжалось.

— У тебя есть вода?

— Я принесу! — Фэн Хао бросился на кухню.

— Ледяная вода.

— Понял.

Пока Линь Лан ждал, он заметил пустой диск в отсеке DVD — совершенно новый, без меток. Заинтригованный, он заменил его и нажал «Пуск».

Экран заполнился статикой... затем на нем появилось его собственное искаженное лицо.

Он замер.

Это были необработанные, неотредактированные кадры — повторные неудачные дубли с той печально известной сцены. Один дубль, затем другой. И еще.

Он ярко помнил настройку: три камеры, три угла — ничего не осталось незамеченным.

Это был его первый раз, когда он увидел неудачные дубли Фэн Хао. Каждый раз, перед концом, глаза Фэн Хао сужались — жестко, механически, он терял персонажа самым тонким, но фатальным образом.

Неудивительно, что режиссер продолжал кричать «Стоп».

Как только седьмой дубль закончился, Фэн Хао снова появился рядом с ним.

Линь Лан повернулся, недоумевающе глядя.

— Откуда у тебя это?

Фэн Хао последовал за его взглядом.

— Ах, это? Я попросил команду постпродакшна сделать копию.

— Тебе не полагалось этого иметь, — голос Линь Лана стал резким. — Необработанные материалы конфиденциальны.

— Я потянул за несколько ниточек, — подмигнул Фэн Хао. — Не выдавай меня, ладно?

Линь Лан теперь вспомнил, ему говорили, что Фэн Хао младший брат продюсера.

— Зачем тебе это нужно?

— Я хотел улучшить. Мне нужно было понять, что я сделал не так, почему режиссер продолжал останавливать.

— Почему именно эта сцена?

Голос Фэн Хао понизился.

— Она запомнилась мне. И... мне было стыдно. Эта сцена расстроила тебя. Я хотел поразмышлять. Убедиться, что никогда не повторю эту ошибку.

Он предложил стакан ледяной воды, обе руки были уверенными.

— Вот, старший.

Линь Лан принял его без единого слова, в горле пересохло, кожа горела. Он сделал большой глоток.

— Могу я воспользоваться туалетом? — спросил он.

— Не стесняйся, он дальше по коридору.

Линь Лан ополоснул лицо холодной водой, глубоко дыша. Дважды он про себя прочитал Сутру Сердца. Это помогло, но недостаточно.

Большинство дверей были заперты. Но одна была слегка приоткрыта. Тихое притяжение втянуло его внутрь.

Ему не следовало входить. Но он вошел.

Зажегся свет.

Он замер.

На стене хозяйской спальни висела фотография в массивной рамке, его фотография.

Кадр из «Храброго сердцем». Его последний крупный план за несколько мгновений до казни его персонажа.

Пока он ошеломленно смотрел на нее, за его спиной раздался тихий смех.

— Хаха... Ты поймал меня, — сказал Фэн Хао.

Линь Лан повернулся — и увидел, что он стоит там.